Михайлов Юлий (Ким, поэт) 1985/IV

Литературная газета
г. Москва
3 апреля 1985 года

Булат ОКУДЖАВА

ЗАПОЗДАЛЫЙ КОМПЛИМЕНТ

1. О СЦЕНЕ

Я не драматург: не мне судить о достоинствах пьесы Ю. Михайлова «Ной и его сыновья». Я был заворожен не пьесой, а автором, когда он сам появился на сцене в качестве самого Ноя. Его тревога за мир была подлинной и трогательной, его отвращение к войне было человеческим и натуральным, и столько грусти и мудрости сквозило в каждом жесте, в каждой интонации, что захотелось взбежать на подмостки, прижать его голову к своей груди, сказать ему шепотом: «Не горюй, брат! Авось все наладится. Разве столько уж дураков, кому хочется погибнуть?..»

Я и не театральный критик: не мне судить о достоинствах спектакля «Ной и его сыновья» в драматическом Театре имени Станиславского. У театра свои законы, не доступные моему разумению. Может быть, думаю я, следовало бы не столь уж старательно разжевывать смысл пьесы, открывшийся уже в середине. Не знаю. Мне кажется — так. Впрочем, мало ли что мне кажется...

Портрет на фоне премьеры

Ю. Ким в спектакле «Ной и его сыновья» (справа).

Однако опять же поющий Ной заставил меня собраться и, обаяв своим пением, расположил к происходящему на сцене. И он сам, и остальные исполнители песен показались мне спасительным средством, придающим спектаклю и жизнь, и огонь, и отчаяние.

Я беру на себя смелость утверждать, что главное во всей этой шумной и спорной фантасмагории, притче — стихи под аккомпанемент, сочиненные все тем же Ю. Михайловым, им же положенные на музыку и им же одухотворенные в спектакле.

Я вижу, что рукою и сердцем автора движет любовь...

2. О ЛЮБВИ

Я вижу, что рукою и сердцем автора движет любовь.

Я, конечно, не драматург и не театральный критик, но зато тоже автор песенок на свои стихи и музыку и вот об этом решаюсь немного поразмышлять, отвлекшись от спектакля.

Некоторые полагают, что любовь к поэзии — это любовь к стихам. Заблуждение. Любовь к стихам — это перелистывание страниц, заучивание наизусть, даже наслаждение. Любовь к поэзии — дар сгорания на медленном и губительном огне поэтических фантазий, это форма существования. Не народная легенда создала образ поэтического чердака, или светелки, или антресолей (как будет угодно) — пристанища одинокого, не от мира сего мастера, а мастер, погруженный в мир своих видений, породил образ, кажущийся легендой.

Но погруженность в поэзию — не отрешенность от мира. Напротив, это особое зрение, зоркость, которая поражает нас в поэте, нас, таких, казалось бы, искушенных и всезнающих. Правда, иногда мы запаздываем со своими восхищениями, а это несправедливо и дурно.

Для меня Юлий Михайлов (Ким) из этих мастеров. Не пугайтесь слова «мастер»: в нем нет никакой высокопарности. Если может быть мастером водопроводчик, так отчего бы поэту не быть мастером? Приверженность своему ремеслу, страсть, погруженность в краски, слова и звуки — это ведь и есть мастерство. Любовь к поэзии, любовь к человеку, не к человечеству вообще (это очень просто), а именно к человеку.

Даже самые саркастические строки, они из этой любви, из желания предостеречь, отразить, спасти. Если я вас не люблю, мне наплевать на вашу участь, и мне незачем скорбеть о ваших несовершенствах. А если я кричу, неистовствую, плачу, стало быть — люблю. Для сего же нужна смелость.

3. О СМЕЛОСТИ

Для сего же нужна смелость.

Истинный поэт — всегда первооткрыватель. Первооткрыватель должен быть раскованным, рискованным и смелым. Первооткрыватель не открывает новых слов, он устанавливает свой секстант таким образом, чтобы привычные слова прямо из обихода создавали присущий ему одному, мастеру, рисунок и смысл. Вот старые песенки Ю. Михайлова о событиях 1812 года. Каждая из них — готовая сценка, сценарий, пьеса. «Генерал-аншеф Раевский сам сидит на взгорье, держит в правой ручке первой степени Егорья...»

Ким перевоплощается легко и изысканно, и до меня доносится ржание боевых коней, звяканье шпор, аромат жженки. Я пронизан лукавой стилистикой: «Это кто там? — Лейб-гусары! — Лейб-гусары? — Тру-ля-ля... — За кого вы, лейб-гусары? — Мы за батюшку царя!», лубочным фанфаронством; меня захватывают ритмические шероховатости, вальяжность, кажущаяся перебоями, синкопы — все такое обычное, и такое странное, почти на грани дозволенного, и такое обязательное и совершенное. Лубок, раешник, клоунские трюки — и ни одного слова не выкинуть; и все это разговорно и запоминаемо.

Я приверженец традиционного стиха, строгого-престрогого, у меня там всякие четкие ритмы и формы... А между тем я пытаюсь погрузиться в это как бы антиритмическое, позволить себе, нарушить, но у меня не получается, а у Этого получается: природа. «Как гром гремит команда: — Равняйсь налево или на-пра-во!..» Вот это «как бы» и есть, видимо, та степень риска, за которой уже катастрофа. Может быть, я боюсь катастроф... А Этот не боится.

4. О КРАСОТЕ

А Этот не боится...

Я с давних пор не устаю твердить, что наша (поэтов) главная задача — с помощью имеющихся в нашем распоряжении средств рассказать о себе, выразить себя, но при этом так, чтобы тебя с интересом слушали и в то же время были бы уверены, что все это о них. Признак таланта. Юлий Михайлов рассказывает о себе, о чем бы он ни рассказывал, и слушают его с интересом... Дар перевоплощения очень способствует тому, и поэтому рассказчик — и кавалергард, и генерал-аншеф, и Пеппи Длинныйчулок, и Ной, и иное великое множество лиц, населяющих его поэтическую страну — от современного туриста до героев Фонвизина и Шекспира, от пиратов до персонажей «Бумбараша» или Маяковского. Это «маленькие» персонажи, ироничные, комичные, мудрые, в большинстве своем исполненные добра, всегда оказывающиеся на высоте, всегда отстаивающие свое личное достоинство, наслаждающиеся жизнью или страдающие от ее несовершенств. Этакая своеобразная Чаплиниада.

Чтобы дар перевоплощения достиг необходимых высот, чтобы слово было еще пронзительнее, приглашается музыка. Она должна соответствовать стихам, и в большинстве случаев это ей удается.

Давно миновали времена, когда за гитару нужно было бороться. Не за эстрадную гитару, а за эту, простую, бесхитростную, сопровождающую, контурную, не претендующую на высокие эпитеты, подругу поэтического слова. И в самый раз. Без нее мы пропали бы, и многие стоящие стихи не вышли бы за пределы помещений. Теперь же эти стихи, часто кажущиеся «нескладными», от которых в былые времена отказывались многие профессиональные композиторы, из золушек превратились в принцесс и зазвучали, и тронули...

Удивительно, что фирмы, выпускающие грампластинки, среди которых тонны всяческой ресторанной тарабарщины, так робко и неторопливо присматриваются к этим истинным песням, способным и радовать, и облагораживать, и раскрыть красоту мира.

Кстати, о красоте. Этот кажущийся невзрачным в обычной обстановке человек, уже немолодой и, как это говорится, крепко хлебнувший из чаши бытия, становится высоким и красивым, едва выйдет к микрофону, едва коснется струн, едва пропоет первые строки, а ведь дар артиста, приплюсованный к прочим достоинствам, — это уже богатство. И я снова удивляюсь, теперь уже нашему телевидению, в программах которого такое обилие пустой развлекательной эстрады, но не всегда находится место для подлинного и прекрасного.

5. О НЕСОВЕРШЕНСТВАХ

О несовершенствах Юлия Михайлова мне говорить не хочется. Не сомневаюсь, что у него множество других доброжелателей, которые с удовольствием этим займутся, что, несомненно, принесет ему пользу.

6. О ЗАВИСТИ

Каюсь: я завидую этому человеку. Его раскованности, неунываемости, жизнелюбию, а главным образом тому, что он совсем еще мальчик, и ему еще предстоит петь и петь на десять с лишним лет дольше, чем мне.

7. О ЛЮБВИ

И я люблю его. И выражаю это, как умею.

***

Посвящается Юлию КИМУ

Ну чем тебе потрафить,
мой кузнечик,
едва твой гимн
пространства огласит?
Прислушаться — он
от скорбей излечит,
а вслушаться —
из мертвых воскресит.

Какой струны касаешься
прекрасной,
что тотчас за тобой
вступает хор
возвышенный,
таинственный
и страстный
твоих зеленых братьев
и сестер?

Какое чудо обещает скоро
слететь на нашу землю
с высоты,
что так легко
в сопровожденье хора,
так звонко
исповедуешься ты?

Ты тоже из когорты
стихотворной,
из нашего бессмертного
полка...
Кричи и плачь.
Авось твой труд упорный
потомки не оценят свысока.

Поэту настоящему спасибо,
руке его, безумию его
и голосу, когда, взлетев
до хрипа,
он достигает неба своего.